

Модный дом

шедевр

Сегодня установился новый стандарт русского дома класса «люкс». Стандарт этот может вызывать сомнения, но вряд ли осмысленные — риэлтеры утверждают, что именно такой тип дома начиная с 2006 года определяется рынком как люксовый. Пирогово — место, где к этому стандарту добавляется еще одно: это должно быть произведение архитектуры.

Сначала о стандарте. Стандарт экономический и поэтому легко описываемый. Это дом площадью от 1000 (для холостяка) до 2500 кв. м (для семьи). Собственно жилая зона занимает в нем пятую часть, примерно столько же — помещения для слуг (квартира, плюс отдельный вход, плюс свои коридоры; категорическое требование заключается в том, чтобы слуги не двигались теми же маршрутами, что и хозяева). Гостевые помещения в доме, как правило, не предусматриваются: считается, что всех гостей привозит шоферы, они же и увозят их независимо от степени их утомленности. Оставшиеся площади делятся поровну между гостиницей, столовыми, приемными, кинотеатром и спортивной зоной — SPA с бассейном.

Этот стандарт может вызывать сомнения, но вряд ли осмысленные — риэлтеры утверждают, что именно такой тип дома начиная с 2006 года определяется рынком как люксовый. Пирогово — место, где к этому стандарту добавляется еще одно: это должно быть произведение архитектуры. Сюда приглашают самых рейтинговых российских архитекторов и собирают своего рода коллекцию. Получаются разные высказывания на тему этого люксового дома, надо сказать, очень разные. В предыдущих номерах «Ъ-Дома» мы рассказывали о домах Александра Бродского и Ильи Уткина. В этом — дома Николая Лызлова. Два дома, расположенных на расстоянии 50 м друг от друга, — один для холостяка, второй для семьи.

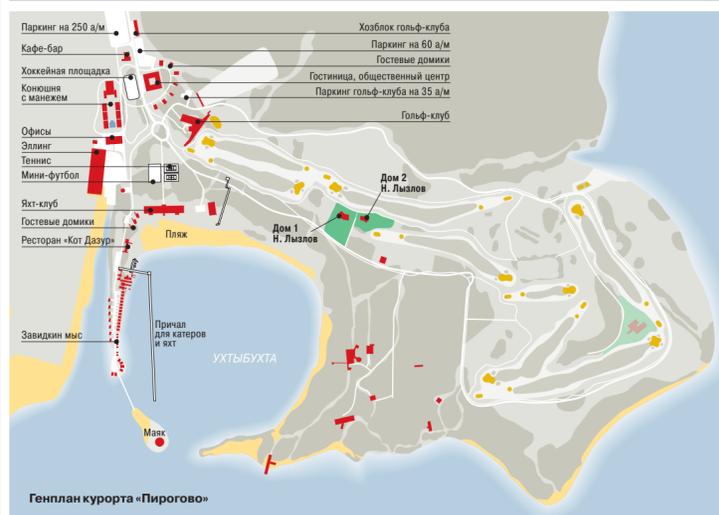
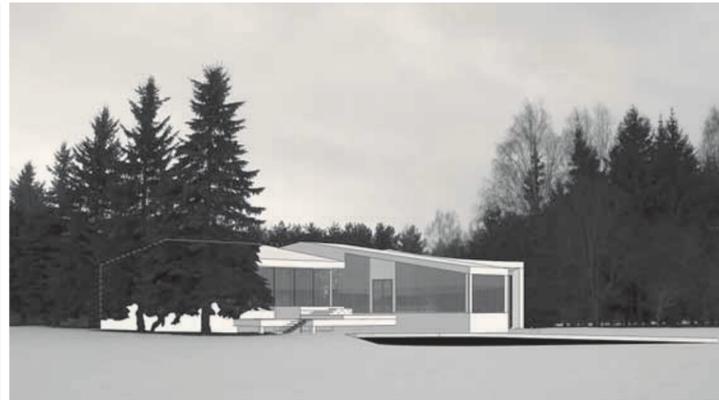
Я попытался начать максимально спокойно и объективно, но долго так продолжаться не может. Вот вроде бы стандарт, стандарт, а что получается? Кажется бы, два дома, созданных по одному стандарту, должны иметь между собой что-то общее. Не тут-то было! Если поставить рядом друг с

другом дома Лызлова и Бродского, то они не просто не похожи — никак не заподозришь, что это два высказывания на одну тему.

Два дома Лызлова — очень авангардные объекты. Я бы сказал, что это один из самых авангардистских выли из тех, что строились в Подмосковье в последние 20 лет.

Два дома сделаны как часть одной синусоиды, петляющей между деревьями, но эта синусоида разорвана и два ее отрезка сдвинуты друг относительно друга. Кроме того, они еще переизрезаны объемами бассейнов. У этих домов нет в строгом смысле этажей — есть уровни, эти уровни переходят друг в друга. Стен нет, за исключением внутренних, дома стеклянные. Обычно стеклянные дома парят над землей — эти наоборот. Они находятся в сложных отношениях с почвой, все время как-то врываются в нее, врезаются, если вылезает, то как какой-то зверек: высунул мордочку и тут же спрятался. Крыши домов закрыты дерном и кажутся частью поверхности окружающего дом гольф-поля.

Бывает так, что смотришь на здание, и все про него сразу понятно. Его не надо обходить вокруг, чтобы понять, какой оно формы, в него не надо входить, чтобы понять, сколько в нем этажей и сколько вообще мест. С домами Лызлова так не получается. С какой точки на них ни помотришь, они никогда не равны сами себе. Отсюда дом выглядит как загибающаяся куда-то стеклянная стена — сколько его ни обходи, все равно не поймешь, как он устроен. Сложные тайны. Ну кто в самом деле сможет заподозрить, что в большую яму, вырытую у бассейна, выходит витраж роскошной гостиной? Дом кажется маленьким, он вылезает из земли на два-два с половиной метра. Внутри он огромный. Центр большого дома —

каскад из трех перетекающих одна в другую гостиных, каждая со своим уровнем пола, каждая площадью около 100 м. Это объем интерьера Благовещенского собора Московского Кремля. Но, глядя снаружи, вы никогда не заподозрите, что в доме это есть. Словом, это не представляется и не опишешь — что и есть признак правильно обдуманного объекта.

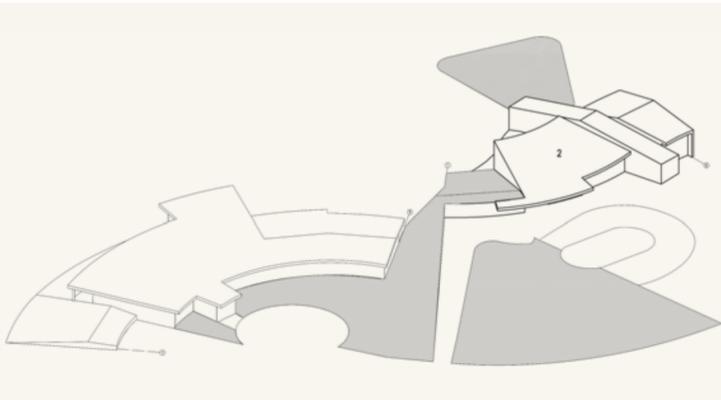
Смысл авангардного объекта — поражать воображение, а с пораженным воображением побороть что-нибудь опши. В пораженном состоянии я подумал, что это идеально воплощение компромисса между мечтой русского заказчика и мечтой русского архитектора. Мечтой русского заказчика является дом-замок, дом, способный защищать и держать оборону с рвами, валами, подъемными мостами и стенами

с бойницами. Мечта русского архитектора совсем другая. Есть хрестоматийный дом великого американского архитектора Филиппа Джонсона — стеклянный куб, висящий над землей среди сосен на Лонг-Айленде — вот как-то так мечтается. Если совместить одно с другим, то получится стеклянный блиндаж, врытый в землю. Примерно это и получилось.

Нет, не это. Получилось совсем по-другому. Зачем ехать жить в Подмосковье? Ведь мало того, что нужно стоять в пробках. Нужно стоять в пробках посреди кошмара нашего пригорода — грязных складов, гигантских рынков, мебельных фабрик, куртизанок, покосившихся советских хибар и постсоветских коттеджей совсем среднего класса, выстроенных почему-то с видом на шоссе и потом

вынужденно отгороженных трехметровыми заборами из ржавого профнастила. Это тяжело для психики — зачем? Затем, что там, за этой пространным бедой, — природа. В случае с Пирогово — природа идеальная, лес, ставший парком, поле, ставшее гольф-полем, залив, ставший Живенским озером с яхтами. Ну вот, приехали, зашли в дом, и там и остались. Дом площадью 2000 кв. м, пока его весь обойдешь — уже и день прошел.

В Пирогово некоторое время проводился фестиваль «Арт-Клязьма», и от него там осталась одна забавная деталь — Палатка последнего туриста. Она сделана из бетона и напоминает о том, что здесь было раньше. Раньше было палаточное счастье. Вот эта полянка — твоя гостиница, вот эта — твоя волейбольная площадка, вот здесь

твой камин. Есть, конечно, издержки: пахнет гнилыми кедами, комары кусают, двуспальный спальный не слышишь ни в одном сельцо, с санузелом проблемы, мусороудаления не предусмотрено. Взамен, однако, можно наслаждаться природой до бесконечности и обживать ее, как не слышишь ни одному дачнику. Все приобретает значение. Вот эта кочка защищает тебя от соседей, вот этот прогал среди деревьев — твой путь к воде, перепад рельефа между двумя полянками позволяет зонировать кухню и столовую.

Лызлов задался фантастической задачей, а именно совместить ту степень погруженности в природу, которая была в палатке, с той степенью комфорта, которую должен обеспечивать стандарт недвижимости класса «люкс». Первое — максимальное единство с природой, второе — максимальная от нее защищенность. Вместе это и дает тот архитектурный результат, который предлагают его виллы.

Участок, на котором они расположены, не совсем ровный: там имеется перепад рельефа приблизительно в полтора метра. Лызлов этого не замечает, но это если просто посмотреть и пройти мимо. А если бы там кто-нибудь поставил палатку и пожил, то очень быстро выяснилось бы, что там образуются несколько полянок, одна чуть выше другой. Ровно так и идут залы внутри дома — один чуть выше другого, один в другой перепадает. Все помещения сделаны так, чтобы, находясь в доме, ты все время чувствовал себя в пространстве, продолжающем то, что снаружи, был отделен от природы только стеклом. Даже бассейн сделан так, чтобы ты плавал в уровне гольф-поля. И с другой сто-

роны, сам рельеф вокруг дома создает ощущение защищенности — где пригорком, где деревьями. Это вообще-то виртуальная работа — в каждом помещении, в каждой точке найти нужную меру включенности в природу и защищенности от нее. Но это проделано. И настолько последовательно, что дом как будто отсутствует на том месте, где стоит — исчезает, то прикрывая кровлю травой, то прятаясь в деревьях.

Сегодняшний западный архитектурный авангард выстроен на идее случайности: случайные формы, неожиданные повороты пространства, случайные разрывы оболочек — здание выглядит как руины самого себя после взрыва, но руины, выполненные на высочайшем технологическом уровне. У нас, в России, придумали средовой авангард. Идея заключается в следующем. Среди исторического города — это всегда какие-то случайности. Вот здесь когда-то проходил забор, его снесли, а дорога вдоль него осталась. Здесь стоял трехэтажный дом — след его крыши на стене соседнего, пятиэтажного. Этот переулочек поворачивает у скверика, раньше тут была церковь, ее снесли — поворот остался. Так вот, нужно строить дом так, чтобы его стена шла по трассе снесенного забора, высота крыши подхватывала линию снесенного трехэтажного дома, а угол заворачивал, как бы уступая, не существовавшей теперь церкви. Новое здание в результате выглядело таким же необъяснимым, как у современных европейских авангардистов — случайные формы, разрывы, необъяснимые повороты пространства. Однако все эти случайности оказывались выражением каких-то исторических об-

стоятельств, данью уважения к местным особенностям города. Это, надо сказать, единственное оригинальное и новое архитектурное направление, которое придумали в России в последние десять лет, и самое модное — так застроена вся Остоженка. Николай Лызлов придумал перенести тот же подход в загородную виллу. Его архитектура следует особенностям местной микросреды. Главное в этом месте — это горизонт, стриженое поле для гольфа, и поэтому его дом прижимается к земле и расплывается по ней, как бы сливаясь с рельефом. Но то, что сначала кажется ровным и плоским, на самом деле содержит в себе некоторые пространственные события. Тут выросли елки, тут — какие-то кусты, тут есть небольшие перепады рельефа, впадины, тут даже яма. Все это мы тщательно самым образом обдумываем, обживаем, сохраняем и на основе этого получаем структуру домов. Они выглядят как два стеклянных отрезка разорванной синусоиды, которые еще и разрезаются бассейнами. Они то прятаясь в землю, то выступают из нее. Но это не случайное формовыворочество. Это идеально вписанный в рельеф объем, который создает максимально возможное соединение интерьера с природой.

В XX веке так получилось, что частная вилла является идеальным художественным объектом, наиболее полно выражающим идеи той или иной архитектурной моды. Если вы хотите, чтобы ваш дом был похож на привильный дом, то дома Лызлова вам совсем не подходит. Они самое модное, что есть в сегодняшней архитектурной России. Это виллы русского среднего авангарда.

Григорий Ревзин

Николай Лызлов: Лопачин сохранил вишневым сад и приукрасил его

Архитектор НИКОЛАЙ ЛЫЗЛОВ рассказал о своих проектах в рамках курорта «Пирогово» и изложил собственную архитектурную философию загородного жилья.

● Николай Лызлов — руководитель архитектурной мастерской, которая работает на рынке архитектурных услуг с 1995 года. Основная специализация мастерской — городская архитектура общественного назначения. На счету мастерской Николая Лызлова такие проекты, как здание магазина на Большой Семеновской улице, вл. 28–30, теннисный клуб на улице Гурьянова, вл. 49–55, административный комплекс на Стратном бульваре, д. 9. А также жилые объекты: на 10-й Парковой улице, вл. 5–7; Краснобогатирской улице, д. 38; загородный жилой дом в поселке «Бенилюкс» по Новоризскому шоссе.

— Как вы относитесь к загородной архитектуре?

— Мы с коллегами чаще всего работаем в городе. Здесь, как правило, концептуальные стороны проекта с заказчиком не обсуждаются. В городе в роли заказчика чаще всего выступает девелопер или застройщик. Ему требуется такое-то количество квадратных метров по такой-то цене. Архитектура лишь одно из потребительских качеств. Важное качество, но не определяющее. Важнее функциональность. Когда речь идет о частном заказе, начинается уже другая история. Человек покупает себе землю, обносит участок высоким забором с колючей проволокой и делает что хочет. Он приходит к архитектору, и тут возникает проблема коммуникативного

свойства. Заказчик говорит: «Ремонт, мне нужен дом...», а дальше произносится слово «в стиле» или какое-нибудь другое похожее слово. Нам приходится его «лечить». Или самим «лечиться». Проекты такого рода не наша стезя; многие этим занимаются, но это отдельная работа, к архитектуре отношения не имеющие. Мы полагаем так: мы работали какой-то определенный стиль, и если человек к нам приходит, то он знает про то, как мы делаем, и не говорит нам: «Сделайте как Миша Филиппов или как Леша Козырь». К нам люди приходят с другой установкой: «Сделайте так, как вы делаете». Это не касается каких-то технологических проблем — количество спален или санузлов в доме. Я говорю об архитектурном решении. Его мы предлагаем исходя из собственного художественного языка. Те немногочисленные загородные дома, которые мы сделали, рождались именно таким путем. Наши заказчики — это те люди, которые очень давно нас знают, с которыми у нас есть взаимопонимание.

Мы с ними подолгу обсуждаем нюансы проекта, разговариваем, выбираем тот или иной вариант, но в любом случае мы говорим на одном языке. С самого начала мы знаем, что наши вкусы не разнятся: любим мы примерно одни книжки, слушаем одну музыку, смотрим одни фильмы. Заниматься проектированием загородного жилья вообще очень интересно, поскольку каждый дом уникален. С этим будущим домом, который мы спроектировали для Пирогово, совсем интересно: у него нет пока конкретного хозяина.

— Проще или сложнее работать, не зная конечного потребителя?

— В чем-то проще, в чем-то сложнее. Самое сложное — проектировать что-то в пустыне. Есть только небо и песок. И совершенно непонятно, чем можно этому ответить. Ну, еще одной горизонтальной поверхностью. Дальше-то что? Чем больше всяких элементов в окружении, тем интереснее делать. Всякое сопротивление рождает ответ. Это похоже на спорт. Присутствие заказчика двигает проект. У нас на самом деле здесь есть заказчик, но это фигура виртуальная, мы его сами придумали.

— Как вы себе представляете фигуру заказчика?

— Это денди. Он располагает большим количеством средств, времени и все свои силы обращает на самосовершенствование. Жизнь, которая здесь будет, мне представляется почти идеальной. Но идеальной жизнью жить все время нельзя. Поэтому человек должен быть энергичным, мобильным, и тут возникает, то исчезает. Само место тяго-

теет к статике — надо будет иметь волю ей противостоять. Но, так или иначе, каждое появление здесь для владельца дома должно быть неординарным.

Причем в наших двух домах должны жить разные люди. В одном случае предполагается, что владелец — человек, не обремененный семьей. В доме одна большая спальня. Сам дом небольшой. Оо дорогой. Это не из той серии, когда маленькая квартирка дешевая, большая — дорогая. Скорее так: маленький автомобиль, двухдверный, но Bentley. А второй — тоже Bentley, только четырехдверный. Во втором доме есть еще пара спален. Я предполагаю, что в нем будет жить семья. Метраж первого — 1600 кв. м, второго — 1800 кв. м. В принципе для семейного проживания подходит и тот и другой. К тому же на стадии проектирования предусмотрена опция перепланировки: думаю, что правильно все-таки, когда покупатель приобретает дом именно на предварительном этапе, чтобы иметь возможность сделать жилье больше себя.

— А по какому принципу выделяются дома под участки?

— Тут как в сказке «Кот в сапогах» — про поля, которые все оказываются принадлежащими маркизу Карабасу. Поселок Пирогово занимает примерно 100 га, и по ним размазана вся тамошняя жизнь. Нет ни границ, ни заборов. Человек, который будет жить на своем участке, будет жить посреди всего этого мира. Соседей, которые сутра примутся играть в гольф, пока человек будет завтракать, он должен воспринимать как часть своего мира, своей жизни,

своего пейзажа. Если разделить общую площадь поселка на количество домов, все равно получится очень прилично. Но дома, согласно генплану, стоят не на равном расстоянии друг от друга — иногда группами, иногда одиночно.

В моем случае речь идет о соседстве. Мы делаем два дома, и рядом делаем свой проект мой друг и коллега Юра Григорян. Для нас очень важен был контекст — не только общий, но и локальный, то есть вот этого среднего домов. Каждое архитектурное сооружение имеет некие связи в мире. Как однажды сказала моя знакомая, ухававшая из Москвы жить в деревенскую глушь, ей там «всега хваеет». Потому что ощущения другие, чем в городе. Восприятие мира у москвича примерно такое: вот улица Тверская, а вот метро «Маяковская», а вот Белорусский вокзал. Мир сегментирован. Вне города ощущаешь себя так: вот Марс, вот Луна, а вот я... Получается вовлеченность в некий вселенский миропорядок.

Дом в Пирогово расположен в каком-то бесконечном пространстве. Ощущение усугубляется благодаря гольф-полям, раскинувшимся вокруг. Нам хотелось сделать дом, который вырос бы из этих полей. Местность очень лаконичная, настоящий природный минимализм: деревья, небо и земля. Земля, правда, имеет сложную, интересную пластику. Собственно, пластика искусственная, но это ничего не меняет. Это пластика гольф-полей — с холмами, лунками и проч. И наши дома должны были вырастать из этого всего. Одноэтажные распластанные соору-

жения, кровли которых повторяют уклон земли. Мы обваловываем свои поляночки, подземные этажи, потом из этого уже вырастают повторяющиеся уклон земли кровли.

— Но ведь не все дома в Пирогово делаются по такому принципу выращивания из земли?

— Я говорю сейчас только про наши два дома. Некоторые другие построены на контрасте. Так, ближайший к нам сосед решен в позиции оппонирования к нашему гармоничному сюжету. Разница между архитектурой и скульптурой в том, что скульптура всегда находится в конфронтации со средой, а архитектура — это способ гармонизации, обычно она является продолжением всей городской среды. Наши проекты в Пирогово неправильны с точки зрения этого принципа. Нам захотелось свои дома сделать как раз продолжением ландшафта, подобием природной формы. Тут есть еще один момент: нам хотелось как можно меньше влиять на природу.

— Таково было ваше желание или заказчика?

— Мы тут предугадывали пожелания заказчика, потому что видели, как он любит природу. Он хочет поставить дом, но при этом чувствует, что он хочет по максимуму сохранить все так, как будто дома и нет на самом деле. Мы так поняли свою задачу, которая, может, и не была именно так артикулирована. Дома становятся фокусами криволинейных ландшафтов. Но это не касается интерьеров домов. Изнутри они должны раскрыться, как можно больше впитывая окружающее простран-

ство. Тут тоже свой фокус. Мы ставим нормальные поперечные несущие стены, а продольные делаем стеклянными, чтобы впускать внутрь природу, чтобы человек не испытывал клаустрофобии. Вкратце такова идеологическая составляющая наших проектов.

— Как в данном случае реализуется контрастность с соседним домом?

— Соседний дом будет совсем другой. Думаю, Юра Григорян о своем доме лучше расскажет, я могу сказать, что наши сооружения будут играть по отношению к его дому ту роль, которую поля и холмы сыграют по отношению к нашему. Его дом более жесткий. Наш построен на криволинейных планах, округлых, покосах, дом Григоряна более геометричный. Впрочем, по языку архитектуры все дома будут очень разными. И это, наверное, хорошо.

— Как дома называются?

— Дом-1 и Дом-2. Я уже лет десять не смотрел телевизор. Когда мне сказали, что есть такая программа по телевизору, мне стало стыдно. Извиняет только то, что не смотрю ТВ.

— Переименовать не захотелось?

— Возможно, дома обретут другие названия в процессе строительства, пока не ясно. В конце концов, все обретает свое имя. Названия приходят сами собой. Для себя мы называем оба этих дома «домами хоббитов». Они нам кажутся похожими на хоббитовские норы: значительная часть метража приходится на подземные этажи, к тому же это будут уютные дома.

— Как вы оцениваете сам проект курорта Пирогово?

— Там все сделано очень правильно. Сначала был разработан генплан, затем началась реализация отдельных проектов согласно этой общей идее. Повесть практика другая: даже если генплан есть, в процессе застройки он разваливается. Жизнь поднимается искусственностью и неограниченностью частных инициатив, противоречиях друг другу и концепции в целом. А здесь импонирует уважение к собственным регламентам. Если вы посмотрите на Рублево-Успенское шоссе, то увидите совершенный беспредел. Нарубили участки, настроили чего-то невероятного.

На мой взгляд, жизнь в России происходит по шаблонным правилам: каждой пешке надо обязательно попасть в дамки, а потом можно ходить как заблагорассудится — поставить мигалку и спецномера, поехать по «встречке». Только в один момент оказывается, что спецномера у всех и господа с мигалками уже выстроились в очередь из себе подобных.

В Пирогово все по правилам — это приятно и необычно. Замечательно так отношение владельца курорта к среде: архитектура приспособляется под нее, а не наоборот, как это часто бывает. К тому же у места уже есть определенная «намоленность»: каждое лето там проходит «Арт-Клязьма». Не люблю мистику, но в Пирогово искусственно мистическим образом работает на атмосферу самого места. Образно я бы охарактеризовал Пирогово так: Лопачин сохранил вишневый сад и приукрасил его.

Записал Николай Кириллов